

ОСТАНОВКА ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ РЫВКОМ

Путин не может сделать то, что выше его сил

Послание президента раскрывает философию консолидации и упорядочивания завоеваний революции 1991—93 гг., успокоения России, становящейся нормальным обществом, которому больше не нужны ни революции, ни контрреволюции.

Философия — хорошая. И нет оснований считать, что всё, что говорит президент — обязательно лицемерие. Тем не менее Россия под руководством Путина нормальной европейской страной не станет. И дело здесь не в мировоззрении и личных качествах президента. Дело в том, что объективно стоящие перед нашим обществом задачи данного этапа модернизации — не в компетенции президента. Более того, это — задачи, идущие вразрез с естественными импульсами человека, оказавшегося в путинское время на путинском месте.

В русской истории, начиная с Петра и кончая Горбачёвым, власть неоднократно выступала модернизаторской и европеизаторской силой. Но правители, которые добровольно освобождали общество от каких-либо оков, прежде всего освобождали от них самих себя. Они меняли формальную власть на реальную (плюс одобрение и уважение главной референтной группы — передовых западных обществ). Пётр освободил страну от оков православного традиционализма, «открыл окно в Европу». Но традиционализм был оковами и для царя, потому что, будучи формально всеильным самодержцем, он вынужден был подчинять каждый свой шаг установленному порядку и ритуалу. Пётр освободил страну, освободившись сам и многократно увеличив свою власть — не формальную власть русского царя, а реальную власть человека Петра, и одновременно добившись уважения Европы. То есть задача освобождения общества в громадной мере совпадала с личными властными и честолюбивыми стремлениями царя.

И когда Горбачёв говорит, что он имел как генсек абсолютную власть и мог бы ею спокойно наслаждаться до конца своих дней, он не совсем прав. Власть генсека была абсолютной, лишь если в голове у него не было или совсем ничего или только то, что написано в партийных документах. Этой власти было достаточно Брежневу, чтобы навешивать себе ордена и сладко есть и пить. Но такой человек, как Горбачёв, мог ощущать лишь своё бессилие и безвластие. И, демонтируя власть КПСС и ведя страну к неизмеримо большей свободе, Горбачёв менял формальное всевластие генсека на реальную личную власть президента СССР и вдобавок — на преклонение, любовь, сознание своей исторической миссии. (Другое дело, что реформаторство — дело рискованное, и власть в конце концов можно потерять.) О Ельцине и говорить нечего — ясно, что, раздавая государственную собственность и лишая государство и себя, как его главу, чисто формального контроля над экономикой, он не уменьшал, а увеличивал свою личную власть.

Правителю никогда не хватает полномочий, как миллионеру никогда не хватает денег. И если кажется, что правитель добровольно отказывается от власти, это значит, что он меняет формальную власть на настоящую, отказывается от «деревянных» рублей, чтобы получить конвертируемую валюту. Но сейчас мы находимся на таком этапе развития, когда этот механизм уже не работает. Тех всеохватывающих архаических систем, от которых верховный властитель мог бы освободить общество, получив за это усиление своей личной власти и личного авторитета, больше нет. При Горбачёве и «раннем Ельцине» речь шла о демонтаже и перестройке всех сфер общественной жизни, о ликвидации монструозной тоталитарной системы. По сравнению с этими задачами самые

трудные «мо-дернизаторские» задачи, которые может поставить Путин, доводя до конца недоведённое, завершая недоделанное, кажутся чепухой. Что такое «равноудаление» олигархов, усиление независимости судов или жилищно-коммунальная реформа по сравнению с ликвидацией КПСС, роспуском СССР, введением многопартийности и частной собственности?

Но особенность этих новых задач — в том, что для их выполнения не только не нужно дальнейшее усиление личной власти, но и теперешняя сильная власть является, препятствием. Например, я вполне допускаю, что «абстрактно» Путин хочет независимых судов. Но независимый суд — это прежде всего суд, независимый от него самого и его чиновников, то есть суд, мешающий ему, сковывающий его. Между тем задача сделать нечто мешающим тебе — едва ли не противоестественная. Я вполне допускаю, что Путин хочет «равноудалить» олигархов. Но как это сделать, если один олигарх делал тебе всякие пакости и вообще неприятен, а другой помогал и во всех отношениях симпатичен. Для «равноудаления» надо или постоянно сдерживать свои нормальные человеческие импульсы, что очень трудно, или создать механизмы по ограничению своей власти, что ещё труднее. Но даже если представить себе, что Путин поставит перед собой психологически почти противоестественную задачу — создать систему институциональных ограничений собственной власти, всё равно он ничего особенного сделать не сможет.

Ведь самое главное наше отличие от «нормальных» стран — это не формальный, а де-факто «безальтернативный» характер президентской власти. Это — главная планка, которую мы ещё не взяли, основа и источник наших прочих «ненормальностей». Можно, например, принять какие угодно законы о том, что никто не имеет права влиять на прокуратуру и судей, но если есть безальтернативная, то есть, независимая от общества президентская власть, прокуроры и судьи всё равно будут смотреть ей в рот. Но что здесь может Путин? Если бы «безальтернативность» президентской власти основывалась на какой-нибудь статье Конституции, Путин мог бы её отменить, получив за это восторги Запада и всех демократических сил и превратившись из преемника-назначенца в президента, избранного на свободных выборах. Но такой статьи нет и отменять нечего. Поэтому Путин не может ничего — не станет же человек сознательно готовить себе конкурентов, которые его свергнут? Обеспечить реальную сменяемость власти — задача российского общества, а не президента.

Потенциал модернизации сверху исчерпан. Если нормальные стремления Горбачёва и даже раннего Ельцина к увеличению личной власти могли одновременно вести к увеличению общественной свободы, такие же стремления Путина могут вести лишь к её дальнейшему ограничению. Поэтому и отношение либеральных кругов и у нас и на Западе к Путину — «инстинктивно» значительно более опасливое, чем к его предшественнику, хотя Путин его и интеллигентнее и умнее. От Путина естественно ждут плохого. Но что хорошего можно от него ждать, что такое лучший вариант возможного Путина?

Мне думается, что самое хорошее — если президент, разумеется, проводя, где нужно, некоторые непринципиальные реформы, не будет стремиться к чему-нибудь великому, если его цели будут скромными, а радости — «тихими». Если Путин не может быть новым Горбачёвым, то лучше, чтобы он был повторением (в более современной и культурной версии) Брежнева, чем пародией на Сталина. Конечно, это — застой. Но взять последний барьер на пути «в Европу», перейти к свободным выборам, в теперешнем состоянии общество явно не готово. И может быть, обществу пойдёт на пользу спокойное «застойное» время, когда можно будет накопить силы для последнего рывка. Когда нет сил идти в гору, которую всё равно надо одолеть, лучше постоять и отдохнуть, чем кувыряться вниз.